

Предисловие редактора.

Предлагаемые очерки Плеханова впервые появляются в полном виде на русском языке. По-немецки они были опубликованы в начале 1896 г. в „Международной библиотеке“ Дница, под названием „Материалы для истории материализма Гольбах, Гельвеций, Маркс“.

В основу этих очерков легли те же изыскания, в области истории философии, результаты которых Плеханов уже в 1895 г. изложил в своей, направленной против Михайловского, Кареева и др., книге: „К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю“.

Но маленькая глава о французском материализме XVIII века, вместе с несколькими замечаниями о Гольбахе и Гельвеции, в других главах, превратилась в два больших очерка. Уже в русской книге Плеханов указал на зависимость французского материализма от учения Локка, который уже в конце XVIII в. доказывал, что **врожденных идей** не существует. „Излагая его учение, французские материалисты придали ему более последовательный вид, ставя точки над такими „и“, которых Локк не хотел касаться в качестве благовоспитанного английского либерала. Французские материалисты были бесстрашными, последовательными до конца сенсуалистами, т.-е., они рассматривали все психические функции человека, как **видоизменение ощущений**. А „рассматривать психическую деятельность с этой точки зрения, значит считать все представления, все понятия и чувства человека результатом **воздействия на него окружающей среды**“.

Плеханов тогда же указал на коренное противоречие, которым страдал материализм XVIII века, не сумевший не только решить, но и правильно поставить вопрос о законах общественного развития. Правда, Гельвеций уже сознавал, что развитие знаний подчиняется известным законам, что существуют какие-то скрытые, неизвестные причины, от которых оно зависит. Он, как указал уже в своей русской книге, Плеханов, „делает в высшей степени интересную, до

сих пор неоцененную по достоинству попытку объяснить общественное и умственное развитие человечества **материальными его нуждами**“.

Все эти положения, только намеченные в русской книге, подробно развиваются в немецкой. Изложение взглядов Гольбаха и Гельвеция и потому еще гораздо подробнее и „откровеннее“, что в книге, вышедшей в условиях легальной русской печати—за десять лет до революции 1905 г.—Плеханов должен был быть очень осторожен, поскольку он излагал взгляды французских материалистов на земных и небесных богов.

Вот почему первые два очерка—о Гольбахе и Гельвеции—и до сих пор еще сохраняют свой интерес для русского читателя. Правда, после революции 1905 г., на русском языке появилось несколько работ о французских материалистах XVIII века, но не только в русской, а даже и в иностранной литературе нет лучшего изложения исторических и социологических идей Гольбаха и Гельвеция, чем то, которое дает нам в своих очерках Плеханов.

Чтобы дополнить изложение философских взглядов обоих французских материалистов—Плеханов сам признает, что он не хотел останавливаться на таком второстепенном вопросе, как теория познания,—мы к этим очеркам присоединили две статьи, в которых Плеханов, в полемике против Бернштейна и Конрада Шмидта, сопоставляет основные гносеологические (теоретико-познавательные) взгляды Канта и французских материалистов.

Как признавал и сам Плеханов, он использовал в виде указаний некоторые замечания, рассыпанные в произведениях Гегеля и Маркса. Так как речь идет, главным образом, о последнем, то мы остановимся на замечаниях Маркса.

Непосредственным учеником и французским истолкователем Локка был Кондильяк, главный председатель французского сенсуализма.

„В своем сочинении „Опыт о происхождении человеческих знаний“—пишет Маркс в „Святом семействе“—он проводил мысль Локка и доказывал, что не только душа, но и внешние чувства, не только способность составлять идеи, но и способность воспринимать впечатление с помощью внешних чувств есть дело **опыта и привычки**, от воспитания и от **внешних обстоятельств** зависит, поэтому, все развитие человека“.

„У Гельвеция, тоже исходившего из учения Локка, материализм получает чисто французский характер. Он непосредственно применяется к общественной жизни (Гельвеций, „О человеке“). Впечатления, получаемые внешними чувствами, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всякой нравственности

Естественное равенство умственных способностей у всех людей, единство между успехами разума и успехами промышленности, природная склонность человека к добру, всемогущество воспитания—таковы главнейшие моменты его системы“.

О Гольбахе, которого Маркс ставил ниже Дидро и Гельвеция, он говорит лишь несколько слов. Он указывает, что в „Системе природы“ Гольбаха часть, посвященная физике, тоже является соединением французского материализма с английским, а учение о нравственности опирается на мораль Гельвеция.

На связь французского материализма с Декартом (философия Ламеттри), с одной стороны, и с Локком—с другой, указывали еще и до Маркса. Для нас, марксистов, еще важнее связь материализма XVIII столетия с английским и французским коммунизмом, связь которого впервые подчеркнул Маркс.

Именно то направление французского материализма, во главе которого стоял Гельвеций, „приводит, по словам Маркса, непосредственно к социализму и коммунизму“.

„Не надо большого ума, чтобы понять необходимую связь, существующую между учениями французского материализма о природной склонности к добру и о равенстве умственных способностей всех людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии на человека внешних обстоятельств, о высоком значении промышленности, о нравственной правомерности наслаждений и т. д.—с коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои ощущения, знание и т. д. из внешнего мира и из опыта, приобретаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий его мир, чтобы человек получил из этого мира достойные его впечатления, чтобы он привыкал к истинно человеческим отношениям, чтобы он чувствовал себя человеком. Если правильно понятый личный интерес есть основа всякой нравственности, то надо, стало быть, позаботиться о том, чтобы интересы отдельного человека совпадали с интересами человечества. Если человек не свободен в материалистическом смысле этого слова, т. е. если его свобода заключается не в отрицательной способности избегать тех или иных поступков, а в положительной возможности проявления своих личных свойств, то надо, стало быть, не карать отдельных лиц за их преступления, а уничтожить противобщественные источники преступлений и отвести в обществе свободное место для деятельности каждого отдельного человека. Если человеческий характер создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать эти обстоятельства достойными человека. Если природа предназначила человека к общественной жизни, то, стало быть

только в обществе он обнаруживает свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, а на целом обществе“.

И Маркс приводит ряд цитат, главным образом, из Гельвеция, чтобы доказать, что „эти и подобные этим положения встречаются даже у самых старых французских материалистов“.

Гельвеций оказал влияние не только на французских социалистов и коммунистов—Фурье, Бабефа, Дзэами,—но и на Оуэна, чрез посредство Бентама, который построил свою систему правильно понятого интереса на морали Гельвеция¹⁾.

И на русских революционеров первой четверти XIX столетия Гельвеций оказал глубокое влияние. Не говоря о Радищеве и его рано умершем друге, Ушакове, которые, по признанию самого Радищева, на книге Гельвеция „мыслить научились“, многие декабристы—Пестель и др.—усердно читали Гельвеция. Это непосредственное влияние прекратилось с тридцатых годов. Русские материалисты 50-х и 60-х годов развивались под другими влияниями, но даже у Добролюбова и Чернышевского, воспитавшихся на Фейербахе, мы находим много отголосков материализма XVIII столетия, в особенности рассуждений Гельвеция.

Только после революции 1905 г., когда критика религии и традиционной морали пробилла себе дорогу в легальную литературу, начинает усиливаться—с легкой руки Плеханова—интерес к изучению французского материализма XVIII столетия. Затеваается, под непосредственным руководством самого Плеханова, библиотека философов-материалистов. Переводятся сочинения Ламеттри, Дидро и др.²⁾ В 1917 году Петроградское Философское Общество издает полный перевод одного из главных произведений Гельвеция³⁾, поручив, правда, редакцию одному из тех „возвышенных“ философов, для которых философские воззрения Гельвеция „и слабы и несколько **низменны!**“

Третий очерк, посвященный Марксу, только местами совпадает с главами IV и V („Идеалистическая немецкая философия и современный материализм“) книги „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“. В более концентрированной форме и в то же время совершенно сво-

¹⁾ В первом томе „Капитала“ Маркс говорит, что Бентам „лишь бездарно повторял то, что даровито излагал Гельвеций и др. французы XVIII столетия“.

²⁾ Ламеттри.—„Человек-машина“. Перевод со вступительной статьей и примечаниями Виктора Констанса (Серожникова), Петербург, 1911 г. Дидро.—„Избранные философские сочинения“. Перевод с примечаниями В. Серожникова, Петербург 1913 г.

³⁾ Гельвеций.—„Об уме“. Перевод под редакцией и с введением Э. Радлова, Петроград, 1917 г.

бодной от необходимости считаться с требованиями царской цензуры, этот очерк дает прекрасное изложение материалистического понимания истории, поскольку оно является „алгеброй социальной революции“.

В заключение несколько слов о переводе и примечаниях.

В основу очерка о Гольбахе положена статья о нем Плеханова, напечатанная по-русски в 1897 г.¹⁾ Все места выпущенные в силу цензурных условий, восстановлены по немецкому тексту. Что касается очерков о Гельвеции и Марксе, то всюду, где это было возможно, использованы соответствующие места из книги Плеханова.

Мы ограничились примечаниями только к тем местам, которые нуждаются в особых пояснениях, и даем сведения только о тех авторах, которые игнорируются в обычных справочниках.

Д. Рязанов.

Предисловие ко второму изданию.

В этом издании тщательно исправлены все опечатки первого и прибавлены пара новых примечаний. Считаю долгом выразить свою благодарность тов. Деборицу за ряд полезных указаний.

Д. Рязанов.

Июль 1922.

¹⁾ Б-тов, Н.—„Один из философов XVIII века“ (Гольбах). „Научное обозрение“, 1897 г. Январь и февраль.